

12† Дмитрий Гавриленко

Вспоминая всё

(Часть первая)



Дмитрий Гавриленко

Вспоминая всё. (Часть первая)

«Издательские решения»

Гавриленко Д.

Вспоминая всё. (Часть первая) / Д. Гавриленко — «Издательские решения»,

Я назвал свои воспоминания биографическими листками. Это небольшие тексты, запечатлевшие события, которые повлияли на мою жизнь. В них немало характерного для российского запада, что граничит с Белоруссией. Много типичного и весьма существенного для нашей страны в целом.

Содержание

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ	6
1. В Старых Бобовичах	6
2. Моя бабка, мать батьки	8
3. За сеном с дедом	9
4. Бурёнку из болота	11
5. Промах из двустволки	12
6. Родное моё дворище	13
7. Легенда о святом озере	14
8. Свистки оповещают о весне	15
9. Улов из ситцевого платка	16
10. Наши куры-несушки	17
11. Груша-костянка	19
12. «Русский огород...»	20
13. Батька и его брат Ефим	21
14. Валенчики	22
15. Пемза и волосины	23
16. Мои первые книжки	24
17. Мама и немецкая «рама»	25
18. Наша швея	26
19. Батька и начало войны	27
20. Я пасу коров	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вспоминая всё (Часть первая)

Дмитрий Гавриленко

© Дмитрий Гавриленко, 2026

ISBN 978-5-0071-3127-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-3128-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Мои родители Сергей Дмитриевич и Евдокия Васильевна Гавриленко в родном селе Старые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области (фото из семейного архива).

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Первые страницы воспоминаний посвящены родительской хате, в которой я появился на свет, семье, Старобобовичской восьмилетней школе, где я учился с 1964 года. Детские впечатления и деревенская жизнь сильно повлияли на формирование моего характера. Вокруг было немало типичного для крайнего запада России. Своеобразие бытового уклада и диалектов определялось не в последнюю очередь близостью Белоруссии. Город Новозыбков, центр района, находился рядом, что помогало старинному русскому селу обустраиваться после войны и оккупации.

Мои записи не предназначены для воспроизведения большого полотна жизни. Это фрагменты её, зарисовки, не претендующие на полноту отражения минувшего, однако каждый биографический листок содержит характерные приметы времени, типичные черты как молодёжи, так и старшего поколения, включая моего батьку и мать.

1. В Старых Бобовичах

Старые Бобовичи расположено недалеко от Новозыбкова, но по возрасту село гораздо старше города. Его архаические черты мирно уживались с современными. Найденное здесь городище отнесено археологами к началу железного века.

Правый берег Ипути более высокий, чем левый. В старину Бобок, основатель села, не мог не заметить рельефные особенности. Привлекли его густые леса, где можно прятаться и удачно охотиться. Речка с рыбным изобилием. Если учесть болота в окрестностях, то защита от неприятелей казалась непреодолимой. Рядом с жилищем Бобка вскоре появились и другие.

Я родился в семье коренных бобовцев, чьи предки жили здесь испокон веков. У меня были старшие сестра и брат, которые помогали матери и отцу справляться с будничными заботами. В хозяйстве корова, бычок — его выращивали на мясо, или тёлочка — её готовили для сдачи в колхоз, поросёнок, куры. Хлопот полон рот, основное — обеспечить кормом. Траву на сено косил отец. На торфопредприятии «Белимово», где он работал, выделяли небольшой участок для косовицы. Ещё получалось накосить немного в Тростянном, влажном лесу с травянистыми полянами. Сушить сено среди деревьев было сложнее, чем на делянках. Тем не менее удавалось сделать на зиму подходящий запас. Лучшее оставляли на корм после отёла. Молоко, своя свинина да картофель с огорода давали возможность поставить нас на ноги.

Зимой старшие ходили в школу. Я, когда чуть-чуть подрос и стал малость соображать, кое-чему научился у них. В праздничные заснеженные дни января мороз превышал двадцать градусов. По вечерам отец рассказывал мне на память стихи Пушкина, Некрасова, Никитина, Майкова, которые входили в школьную программу. Учил читать и считать. Когда сестра и брат делали домашние задания, я лез к ним, старался понять примеры, задачи, упражнения. И хотя это старание было зачастую безуспешным: меня порой прогоняли, чтоб не мешал, — оно привело к тому, что в школу я пошёл подготовленным, с появившимся у меня интересом к чтению и книгам.

До Белоруссии от Старых Бобовичей рукой подать, всего лишь несколько километров. Не удивительно: язык жителей на крайнем западе России сохранил ярко выраженные старославянские родимые пятнышки. И не только их. Чтение книг, начиная с самых тоненьких сказок, стихи, заученные со слов отца — всё это помогло мне выработать хорошую литературную речь и глубже понять расхождения с разговорной.

Ставни, к примеру, у нас называли быконками. Мне диалект не нравился. Я решил: «ставни» звучит намного лучше и понятнее. Подобное случилось и с некоторыми другими лексическими вариантами. Позже я выяснил: такого слова нет в славянских языках. Этимологию его можно с натяжкой прояснить разве что татарским «ябыклар», то есть ставни.

2. Моя бабка, мать батьки

Необычными архетипическими образами для села являлись старушки-шептуны. Садика тогда не было. Больницы тоже. Ипать, разливаясь весной, нарушала сообщение с городом, затопляла мост. Детвора росла сама по себе. Играли в прятки, бегового (так называли лапту), испорченный телефон. Нередко заботились самостоятельно о пропитании. Чтоб помыть яблоко, сорванное с ветки, вылезшей через забор на улицу? Куда там! Колодец далеко. Съешь пыльное и бегаешь до темна с такими же босоногими, ловишь пескарей, если червяки есть, или уклеек, если есть мухи. Случались и неприятности.

Помню, разболелся у меня не на шутку живот. Примчался жаловаться матери. Хорошо, хоть дома её застал. Пойдём, говорит, бабка пошепчет. За руку взяла и потащила огородами. А межа травой поросла. Пропустила меня родительница вперёд. Сама сзади идёт, поторапливает.

Бреду, согнувшись. Поноса нет, только боль в середине, где пупок. Я также по мере сил тороплюсь. Ведь бабка-то нечужая. Это отцова мать и теперешняя добрая надежда. Собственная мать не смогла помочь: чай, стакан которого я выпил без сахара, оказался бесполезен. Отцова непременно поможет.

Вот сенцы, а вот и дверь в горницу. Хозяйка высокая, лицо с морщинами, приветливая. Юбка и кофта тёмного цвета. Пол некрашенный, вымытый до желтизны. Божница заставлена иконами. Заметно, что о них заботились. Бабка, малограмотная и ничем не напоминавшая врачуху, лечила священной водой да Божиим словом.

Лёг я, болящий, на ровную деревянную кровать, приподнял до подбородка ситцевую рубашку. Живот как обычный, загорел чуть-чуть, однако внутри давала о себе знать боль. Мать села поодаль на табуретку. Бабушка налила из стеклянной бутылки в кружку прозрачной воды, пошептала над ней, три раза перекрестила, подняла на малое время к иконам. Я лежал не шелохнувшись. Смотрел и слушал.

Ничего, говорит, внучек, наладишься, потерпи. Намочила в кружке пальцы правой руки, побрызгала на живот и прошептала молитву. Её большое лицо близко, я расслышал: «... улёку... уроку... улёшных...» и ещё какие-то торопливые звуки. Бабка, наверное, полагала, будто меня «сурочили» — бытовало у нас такое слово. Оно означало — сглазили, в чём я, дошкольный малец, сомневался. В тёплое время стада ребятни на улице, на неё ноль внимания.

Бабушка опять брызнула водой на живот и заставила меня сделать глоток из кружки. После этого стала мягкими своими пальцами слегка надавливать около пупа. Движения боль не усилили, я лежал тихо. Нажатие делала несколько раз, а мать, не шелохнувшись, глядела.

Перекрестила меня трижды, поправила рубашку. Вставай, говорит. Если не пройдёт, приходи снова. Один я бы не решился прийти, помогли убеждённости и вера моей матери. К вечеру я уже боли не чувствовал, заснул спокойно.

Неплохо иметь родственницу-врачевателя. У неё самой четверо сыновей, включая моего отца. Один, взрослым парнем, утонул, купаясь в Ипути. Остальные возмужали, прошли войну и вернулись живыми. Бывает ли что на свете крепче материнской молитвы перед божницей?! Верила она и молилась, посты соблюдала. Чуткие, тёплые пальцы запомнились мне. Они вершили богоугодные дела с благословения строгих ликов на иконах, потемневших от времени. Позже я узнал, что «сурочить» произошло от белорусского «сурочыць».

3. За сеном с дедом

В селе редко звали по имени-фамилии. Пинчуков, Гавриленко, Кундик, Шевелев... Да их пруд пруди! Человека найти по фамилии непросто. Уличные прозвища — другое дело. Моего деда Дмитрия Ивановича звали Шош, отца — Сергей Шошов, Я был Митька Шошов. Дмитрий, Дима улица не признавала, да и родные, знакомые звали Митей. Фактически же мы с дедом были Дмитриями.

Однажды он взял меня, с согласия родителей, в поездку за сеном. Я находился в том возрасте, когда интересно ехать на тряской телеге. Ходил дед в лаптях, сам их плёл. В сенцах на гвозде висела пара запасных. На зиму валял для себя и бабушки валенки, рукавицы из овечьей шерсти. Плёл большие корзины с двумя ручками, в которых носили торф-саморезку или овощи с огорода.

Правый глаз у него белый, что меня не смущало: привык. Если б обратился в своё время к городским врачам, то, может, его вылечили бы. Но он в Новозыбков не ездил, лапти летом редко снимал, разве что на ночь. Говорил, в них мягче ногам и удобней, чем в чоботах (так у нас сапоги называли).

Положил не спеша вилы, грабли, верёвки, гнёт со сделанными топором на одном конце углублениями. Сели, через невысокий тележный борт свесив ноги. Мои в ботинках на каучуковой подошве, его — в лаптях с онучами. Рыжий конь смирный, послушный. Когда выехали за село, дед дал мне вожжи, чтоб правил. Я лишь об этом и мечтал. Длинную же хворостину оставил у себя, из чего я заключил, что погонять будет сам.

Он не особо разговорчивый, да и о чём говорить? Всё о деде я знал из отцовских рассказов да наших фотографий, хранящихся в хате на стене под стеклом.

Бельмо у него появилось недавно. В молодости имел привлекательные черты лица. Был предприимчив, ездил ещё при царе-батюшке с земляками в США на заработки. Труд на тамошнем заводе тяжёлый, изнурительный, зато привёз дед из Америки небольшую кубышку. Купил землицы, женился. Старший сын Сергей, то есть мой отец, появился на свет после революции, в 1919 году.

Мы трясёмся на телеге. Внук-пострелёныш с вожжами в руках, довольный каждым поворотом. Ещё бы! Конь чутко слушается команды. Я счастлив: он не воспринимает меня зелёным пацанёнком. Рядом — дед, ни разу не стегнувший коня хворостиной. Полдневная жара не спадала.

До Песков (не совсем обычное для леса название) доехали быстро. Я сидел на верёвке, толстой и не грубой. Если на кочке подпрыгивали, то даже приятно было. Мешала только толстая жердь, лежавшая между мной и дедом. Она тряслась вместе с телегой.

После очередного поворота я увидел три копны, которые находились поблизости одна от другой. Дед произнёс «тпру-у-у» — конечная остановка. Вожжи у меня забрал, привязал к молодой берёзе. Нарвал охапку свежей отавы, положил под большую глазастую голову, ушами отгонявшую оводов и слепней.

Ну, говорит, будешь помогать укладывать. Скинул наземь верёвку, гнёт, грабли и вилы. Солнце начало бродить, облачка нет-нет да и закрывали его. Сено сверху потемнело настолько, что напомнило мне пожухлую траву, перезимовавшую под снегом. Когда забрался на телегу и дед принёс первый навильник, я остро ощутил, какое оно сухое и душистое. Получил наставление утапывать ближе к середине телеги, даже если положено на её угол.

Я старался вовсю, знал: дед разбирается, слова зря не скажет. Он приносил на вилах не очень большие охапки, я справлялся. Полторы копны уложили, и от деда поступил приказ слезать. Отгоняй говорит, слепней. Конь уже перестал жевать отаву, в раздражении иногда поднимал ногу, махал хвостом. С меня градом тёк пот, надоедали комары. Пришёл коню на

помощь, поймал водня (так детвора называла овода), как мух ловил для рыбалки. Тот успокоился, почувствовав подмогу.

Дед полез наверх, поправил, потоптал, съехал на землю, опять стал носить, наращивая воз. И снова наверх вскарабкался. Нарашивал до тех пор, пока копен не стало. Я с облегчением заметил, что он уже сгребал остатки граблями. Воз стал высоким, и это деда не смутило. Стал на оглоблю, затем — коню на круп, взобрался на подростную телегу. Давай, приказывает, жердину. Я кое-как с ней справился, подал тот конец, что потолще. Затащил её дед к себе, положил на сено. Отойди, говорит, в сторонку, посмотри, точно ль посередине легла.

Я отошёл, посмотрел: надо чуть подвинуть влево. Он поправил и слез прежним манером. Тоже был весь в поту и пыли. Конь ничего, стоит, покладистый. Я диву давался: его раздражали слепни и водни, а тяжесть человека будто и не чувствовал вовсе. Вот дед зажимает верёвками гнёт, привязав его к телеге спереди и сзади. Воз словно в землю врос, ниже стал. Сбоку глянул. Не меньше, говорит, тридцати пудов с тобой уложили.

Разрешил мне наверх залезть с коня, приказал не ёрзать, держаться крепко за жердину, следить, чтоб не упали грабли и вилы. Так я впервые на душистом возу и приехал домой.

В будущем происхождение родового прозвища со всей определённой установкой не удалось. В монгольском языке оно означает «зёрнышки», однако попало и ещё одно значение: домашний дух на Руси.

4. Бурёнку из болота

К классической технике меня приобщил брат матери Иван, мой дядя. Фамилия его Шевелев. На финише срочной стал сержантом, после дембиля работал в «Красной Ипути», колхозе нашем. Ему дали популярный грузовик ГАЗ-51 — не новый, правда. Машины с конвейера — редкость для села, доставались они опытным шофёрам. Однако и этого «газона» я воспринимал геркулесом.

Играем однажды возле колхозных весов. Они почти на перекрёстке грунтовых дорог. Едет с улицы Нестеровка дядя. Тёмно-зелёную машину я издали вычислил. И он узнал меня среди ребятни. Затормозил. Садись, говорит, прокачу немного. Я повторного приглашения не стал ждать. Открыл блестящей на солнце вертушкой дверцу, забрался в кабину, уселся на мягкое сиденье. Приятели часто так из игры выбывали, теперь настал мой черёд. Иван проверил замок справа, посигналил курам, которые выбежали из-под ворот купаться в дорожной пыли.

Поехали. Свернул в Ровки (так наш переулочек издавна называли местные жители). Возле Залеса с его невысокими деревцами и лещиной остановились. Ну, говорит, шпарь домой во всю катушку. Я ни в какую. Может, дядя и раскаялся, что связался с неслухом, да делать нечего. Утопил педаль газа, покатали дальше.

Иван по пустякам не ездил. Так и в тот летний день. Корову, говорит, помогу из болота вытащить. Ты в кабине сиди, не рыпайся. Я и сижу, мне что? Лишь бы не рассердить его. Случай-то из ряда вон. Вижу впереди бабку с заплаканными глазами, мужиков с полдесятка.

Задние ноги бурёнки сильно утопи в торфяной жиже. Передние посвободнее были. Я разглядел через стекло, что одна верёвка к рогам привязана. Другая — пропущена под передние ноги. Мужики злые, потные, лица от торфа коричневые. Хотели вытащить, да не получилось у них.

Дядя развернул машину, подъехал задом, насколько почва позволила. Опасался забуксовать. Я полагал, он уже имеющиеся верёвки к «газону» привяжет, а нет. Полез в кузов, достал свою — толстую, длинную. Скинул на землю, сказал, чтоб за рога зацепили. Я знал, коровы тяжеленные. Полтонны, а то и больше. Может, поэтому Иван попросил и мужиков помогать тащить за собственные привязки. А то, пояснил мне, грузовик может и рога оторвать.

Стали вместе тянуть. Я не ахти из кабины вижу. Дядя дверцу со своей стороны приоткрыл и наблюдал за происходящим, ногой надавливая на газ. Корова подалась вперёд. Её темница звучно чавкнула.

На сухом полежала малость. Вымя чёрное у неё. Потом встала, отряхиваясь. Хозяйка попить дала из ведра. Стала благодарить Ивана и мужиков. Я в восторге от того, как сноровисто «газон» вызволил бурёнку из ловушки. Крепкие мужики сами не смогли управиться. Тяну рыжий нос кверху, гляжу с восхищением на дядю. Тот крутит, не спеша, руль и говорит, что семьдесят лошадей — вовсе не пустяк. Случалось, конечно, что стартер у него не срабатывал. Тогда вылезал с насиженного места, заводил вручную. Белая с ручкой заводка лежала сейчас у меня под ногами.

По ровному просёлку ГАЗ-51 шёл шустро. Вскоре я заявился домой. Рассказал матери, как мы с Иваном корову вытаскивали. Теперь уйма десятилетий позади, а мне всё кажется по износостойкости всех шести цилиндров, надёжности двигателя старику-«газону» нет равных. Лишь не гони лошадей, не требуй от него невозможного. Не подведут задний и передний мосты, не слетят на ходу колёса. Не зря их в мире было выпущено с заводов почти три с половиной миллиона. Неторопливый труженик-грузовик сделан и обкатан с любовью. Он и стал для меня критерием в оценке всей техники.

5. Промах из двустволки

Дядя метко стрелял, и собака у него была для охоты. Двустволка с облезлым прикладом служила верой-правдой. Любимая поговорка: держи хвост пистолетом. И держал. В охотничий сезон всякий раз приносил домой зайца или утку.

Наступал долгожданный день, когда и моим родителям требовалась его помощь. Мать ходила договариваться. Борова выкормили на убой. Запасам домашних продуктов требовалось пополнение. Заканчивалось не только мясо, залитое в кастрюле топлёным нутряным жиром, но и солёное сало. К тому же впереди маячили праздники. Иван обычно являлся, стрелял и уходил. Отец разделявал тушу. Так мы из его ружья извлекали пользу.

Меня не пускали к началу действия. Можно лишь в окно следить из комнаты. Мать утром не кормила кабана, зато к последнему для него обеду готовила повкуснее. Явился огородами дядя с двустволкой за плечами, живший на Нестеровке. Уже приготовлена привычная борову лохань с мешанью: толчёная картошка, сваренная в мундирах, перемешивалась с запаренным комбикормом, после чего добавлялась литровая банка простокваши. Полдень погожий, безветренный, ничто не сулило неприятностей.

Так бы и произошло. Хряк набросился на еду, не обращая ни на кого внимания. Иван поднял ружьё, прицелился... Мне видно, что одновременно или секундой раньше кабан оторвался от лохани, поднял, довольный, пяточок для передышки. Курок уже спущен, и пуля попала не в лоб, а чуть ниже.

Для меня, ребёнка, дядина неудача стала весьма чувствительной. Раненый боров начал метаться по двору, разбрызгивая кровь. Ему, как и мне, безжалостная пуля принесла боль и страдание. Вон и солома готова, и тёплая вода, и нож... Помыть, освежевать. А тут свежати́на мечется, напугав рядом стоящую мать, и ещё больше — её младшего сына. Однако брат матери не из полохливых и не робкого десятка. Выждал момент, хладнокровно выпалил в кабана из второго ствола.

Дальше пошло по накатанной дорожке. Соломой обожгли белёсую шерсть с завитками. Помыли, ножом соскребая грязь. Хряк пожелтел, выглядел аппетитно. Обо мне, похоже, забыли. Я не вытерпел, вышел — поспел к разделу туши. Предлагали то кусочек уха съесть, то шкурку, оторванную от сала. Я отказывался до тех пор, пока не разглядел: вторая пуля, свалившая борова, попала ему точно в голову, ближе к левому уху. Он прожил дольше, чем намечалось; только последние мгновения оказались мучительными.

Позже я понял, что и у людей они бывают разными. Один человек вздыхает, мучится долго от хвори, в конце концов угасает. Другой лёг спать — и не проснулся. Не случайно поэт в стародавние годы написал: «Лёгкой жизни я просил у Бога — лёгкой смерти надо бы просить».

6. Родное моё дворще

Хата, где я родился, — неказистая, пережившая не одно и не два лихолетья. Купили её родители после войны. Кровля из черепицы на цементно-песчаном растворе оказалась нелёгким, однако надёжным бременем для строения. В сенях находилась жёсткая кровать из дерева. Направо — дверь в каморку для хранения продуктов. За ней — стена пуни, в которой росли поросёнок да телёнок, когда появлялся у коровы. Разделяла их стена с внутренней дверью.

Дворище поодаль от улицы, на высоком месте, в окружении яблонь, груш, слив и огорода. Смысл расположения мне был понятен. Ранней весной дорога в Ровках превращалась в бурную небольшую речку. Полая вода с Попова поля, занимающего возвышенность, устремлялась к Ипути. Отец и мать обували высокие резиновые сапоги; мы, дети, сидели дома. К этим дням были приурочены и школьные каникулы. Часть района, начиная от нашего села, называлась Заипутским кустом. Общим для него становилось то, что разлив реки отрезал населённые пункты от города.

Половодье не затрагивало ни строения, ни огород. За удалённость от улицы семья расплачивалась отсутствием электричества. Столб с изоляторами далековато, протянуть от него провода не представлялось возможным. Ранние годы мои прошли при керосиновой лампе. С ней я учился и читать, и считать. Стихи, рассказываемые отцом, буквально погружали меня в пушкинскую эпоху.

В десяти метрах от хаты стоял сарай и коровник. Общей у них была и стена, и крыша, а входы — почти противоположные. В сарай сносили не только сено и торф. Посередине возвышался каменный купол, удивлявший меня прочностью. Кирпичи уложены ребром. Ни в одном месте — ни малейшего выступа. Убери труху от сена — и восхитишься старинной работой каменщика. Какой была изначально кладка, такой и оставалась: как новенькая!

Мне хотелось узнать, как держится купол, опиравшийся лишь на стены. С корзинами торфа, охапками сена ходили по нему родители, старшие сестра и брат. Купол служил потолком погребу, куда я, помогая матери, лазил за картошкой. Так же, как и снаружи, он удивлял целыми кирпичами и отсутствием каких-либо креплений. Получалось, что немалый груз держался на силе раствора.

Хранились тут не только картошка, но и свёкла, морковка, капуста и яблоки. Урожай оставался свежим всю зиму. Ступеньки сделаны из красных кирпичей, что пошли также на стены и купол. Ровные, вечные. Лишь их края на ступеньках пообтёрлись от ног и времени. Спускаюсь сюда знойным летом — рад бодрящей прохладе. В январские двадцатипятиградусные морозы радовало тепло. А сколько людей спускалось в погреб? Время постройки скрыто глубиной веков. Баба, которая жила здесь до нас, умерла в преклонном возрасте. Ей предшествовали другие поколения.

Позже я увидел красные кирпичи в стенах старинных православных церквей и часовен. Раствор напоминал применённый при возведении стен и купола в погребе. Эта всамделишная внешняя связь мне показалась бесспорной, когда я узнал в школьные годы: Старые Бобовичи прежде принадлежали Киево-Печерской лавре. У неё в России находились в собственности как крестьяне, так и кирпичные заводы. Давнее влияние монастыря ощущалось в быте, характере исконных бобовцев. В их хатах на видных местах — божницы.

Я сделал впоследствии вывод: внедрённое столетиями сознание, веру не выкорчевать. Архетипы прошлого представились мне в родном селе подобием древней кирпичной кладки нашего купола, просуществовавшей века и до сих пор не имеющей изъянов.

7. Легенда о святом озере

Мой брат Гришка младше сестры, зато меня намного старше. От него я впервые услышал о Святом озере и о том, что оно возникло на месте храма, провалившегося под землю. Я хоть и бывал уже на речке нашей, но только в ближних местах и не один. Гришка с друзьями ходил купаться подальше. Удалённые места мне, ребёнку, казались таинственными и своей таинственностью пугали не на шутку. От брата не удалось узнать подробностей; скорее всего, он и сам их не знал. Однажды на мой вопрос ответил случай.

Явилась к нам незнакомая мне бабка. Одета в чёрном, с высохшей ореховой палкой. Неокоренной. Поставила её в угол возле печки, где находились кочерга и ухват. Перекрестилась на божницу с иконами, поклонилась. Села на лавку — длинную скамью вдоль стены. Я тихо лежал на тёплой печи; можно было подумать, что сплю. Мать накормила гостью супом и кулешом с грибами. Поговорили о погоде, дальних родственниках, церковных праздниках, которые прошли или должны начаться. Старушка стала рассказывать про невидимцев, плохих и хороших, а от них перешла к Святому озеру.

По её словам, было в стародавние дни ровное, будто блин, поле. И стояла на нём церковь, в которой служил батюшка. Дочка у него раскрасавица. Приглянулась она богатырю, а он — ей. Присылает к попове сватов, своих приятелей. Они такие же богатыри, и её отцу не по нраву. Решительный был, строгий. Убирайтесь отсюда, сказал им, чтоб духу вашего я не чувствовал. И только он отказ произнёс, сваты с попова двора выехали. А храм с батюшкой и его дочкой-красавицей тотчас исчез под землёй. Вместо ровного поля появилось спокойное озеро. Его-то и прозвали Святым.

Позже я узнал, что к попу навевывались не такие богатыри, как уже тогда мне известный Илья Муромец, а невидимцы из потустороннего мира. Потому батюшка на них и рассерчал, потому и прогнал их, не задумываясь.

Древняя история причудливо вплетена в происхождение села, возле которого обнаружено средневековое селище славян. Вероятно, языческой стариной, подтверждённой археологическими данными, объясняется неопределённость легенд про невидимцев. Если Святое озеро — наказание для попа, то одновременно оно стало наказанием и для богатыря, лишившегося возлюбленной.

Согласно православному учению, батюшка за стойкость свою достоин Божьей милости. Легенда обрушила на него не милость, а гнев, и в этом её дохристианский корень. Озеро сделалось памятником святости и любви.

8. Свистки оповещают о весне

С чего начиналась в дошкольном детстве, о котором я рассказываю, весна? Начиналась она для нас, ребяташек, со свистков, изготовленных из ивы. Кора у неё становилась мягкой, древесина — податливой. Только нужен перочинный ножик, и не абы какой, а заточенный.

Лучший друг у меня — Колька. Он жил сначала бок о бок с нами. Напротив жила его бабушка. Она многое повидала на своём веку. Хата её, как и у нас, находилась поодаль от улицы. Половодье в просторечии называли ровчаком. На деле это означало, что по Ровкам ни проехать, ни пройти.

Та сторона оказывалась ближе к Выгону, центру села и магазину. После смерти бабушки Колин отец продал свою хату. На наследованной территории построил новый дом, ближе к улице и ровчаку. А мы всё равно остались с Колькой лучшими друзьями.

У меня какой-никакой да был ножик, а у него не было. Зато на его стороне, ближе к повороту, росла старая ива, у которой нежно зеленели молодые веточки. Они хрупкие, отламывались запросто. И вот мы с такой веточкой уединялись под нашей грушей, что росла на краю огорода, поблизости от черёмухи и ирги (какалуши да винницы — на местном наречии).

Я великодушно вручал ему ножик, чтоб он изготовил свисток первым. Прошлогодние навыки полузабыты. Колька старался. Хорошо оформил заготовку, однако, снимая тонкую кору, порвал её. Вторая очередь — моя. Я действовал осторожнее, тщательнее обстучал ручкой ножика кору. И — получилось. Удалось без труда снять её с края веточки. Предстояло без ошибки сделать нужного размера щель для вдыхаемого с силой воздуха. Я дал дружку на обкатку. Свист был звонким, сильным. Именно такой зов нужен для молодой весны.

Веточка позволила нам ещё делать свистки. Они ведь в длину небольшие. Колька сделал себе сразу два, и оба удачные. А я — ещё один. Так и день прошёл. Завтра они нам уже не нужны. Во-первых, самодельные свистки быстро высыхают и теряют силу звука; во-вторых, скоро должен приехать на лошади корявочник, что значит — старьевщик. Он собирал ветошь, мог взять и десяток свежих яиц, за новенькие батарейки для фонарика, иголки, нитки, воздушные шарiki... Время от времени оповещал протяжно: тря-я-япки-коря-я-явки. У него свистки настоящие: из глины и покрашенные. Они могли долго служить при осторожном обращении, чем и привлекали ребяташек. Но дверь весне, я это чувствовал с детской непосредственностью, открыли наши с Колькой — зелёные.

9. Улов из ситцевого платка

Ловили мы с Колькой на мелководе пескарей, пискужей по-нашему. Солнце просвечивало речку насквозь и отражалось в кристально-чистом песке дна. Удилище что у него, что у меня из тонкой берёзы с сучками — метра два с половиной. И леска такой же длины, её мы жилкой звали. Поплавки из коры.

Хоть и говорили мальчишки: пескарь всегда клюнет, даже если острие крючка высовывается, в тот раз не клевал и при наличии у нас свежих дождевых червей. Стайка не обращала на вкусную пищу внимания. Я своими глазами видел рыбе равнодушие и поделаться с ним ничего не мог.

Прибежали три шустрые босоногие девочки, примерно наши ровесницы. Ближних к Ровкам мы знали, это были незнакомые. У одной в руках ситцевый платок с цветами, у другой — бидончик с деревянной ручкой. Его оставили на травянистом берегу — сами в реку, справа от нас. Две взялись за края платка, опустили его в воду; третья загоняла рыбу, бродя чуть ли не по пояс. Несколько нерасторопных рыбёшек не успели уплыть. Бидончиком зачерпнули воды, в неё выпустили улов.

Мы оставили свои удочки, начали им помогать. Загоняли втроём шумом от ног и рук. Мути не было, что способствовало нашей ловле. Сеть из платка оказывалась всё более щедрой. Краснопёрки попадались, уклеики, а пескари по дну успевали улизнуть.

Общее старание было вознаграждено. Трёхлитровый бидончик наполовину заполнился рыбой. Попались даже окунёк и плотица. Пойдёмте, сказала одна девочка, постарше, в Бучках пожарим и поедим. Кольке и мне её затея понравилась. Смотрели свои бесполезные снасти, поплелись за предводительницами.

Бучки — это и улица, и овраг, по которому в ранневесеннюю пору вода из переполненного Гушина болота мчится через Ровки в Ипать. Овраг глубок, ежегодные паводки размывали его. Склоны заросли старыми деревьями. Одно место — просторнее, там и появилось кострище. Возле него девочки попросили нас подождать. Бидончик оставили, а сами ушли.

Колька стал звать меня домой; зря, говорит, мы с ними связались. Я тоже начал склоняться к его нетерпению. В Бучках прохладнее, чем возле реки, а мы к тому же здорово проголодались. В карманах, кроме спичечных коробков с червями да низок (так мы называли кукан для рыбы из нитки с привязанными на концах спичками), — шаром покати.

А тут — глядь, и хозяйки бидончика прилетели, как птички из заморских краёв. Промасленную сковороду принесли, нож, четыре картофелины в мундире, хлеб. Вообще картофель у нас бульбой называют, но то между собой, а как кто незнакомый, то нужен словарь правильный. Я отправился по склону оврага, насобирал сухих дров. Колька очистил кострище, чтоб сгоревшие прежде угольки не мешали.

Девочки оказались хозяйственными. Почистили рыбу, позвали кота. Он привык к здешним угощениям, их воспринимал как должное. Поел очистки, закусил краснопёркой в награду.

Разожгли весёлый костерок. Самая хозяйственная достала из кармашка соль, сыпнула три щепотки на сковороду, пошевелила рыбу ножом. Сухие ивовые сучья прогорели, не мешкая. Остались красные угольки. На них и поджарилась рыба, распространив окрест приятный запах. Обед оказался вовсе не скудным, а главное, свежим. Мне ничего вкуснее на чистом воздухе есть не доводилось.

Лучшие кусочки со сковороды мы отдали девочкам, но и сами остались довольными. Хорошо быть самостоятельным, чувствовать, что и ты можешь что-то сделать без помощи родителей. Воду из бидончика вылили на угли и разошлись под их шипение. Я воочию увидел: если у тебя не получается дело, не клеится, не клюёт, объедини усилия с другими. И оно клюнет.

10. Наши куры-несушки

У нас не прижился белый петух с пунцовым стоячим гребешком. Мне нравилось смотреть на корону, налитую кровью, становящуюся от солнца нежно-розовой. А зимой холода свирепы. Отморозил верхушку гребня, и она посерела. Петя мотал от боли головой. Отмороженные острия отпали. Корона становилась меньше и не такой красивой, как прежде. От зимних суровостей не удавалось уберечь и белых кур.

Одна была чёрно-рыжая с широким, невысоким гребнем, устойчивым к январским испытаниям. Неслась в тёплые дни не хуже своих подружек. Гнездо находилось в сарае на чердаке. Стану на кирпичный купол погреба, и вот оно с краю. Там всегда лежал поклад — самодельное яйцо из мела. Белые здесь и неслись, чёрно-рыжая не захотела. Её яйца я узнавал по цвету: они коричневые, отличающиеся от всех. Так вот, с подобной скорлупой перестали появляться. Мать попросила, чтоб я за этой курицей проследил.

Тот день поначалу ничем не отличался от иных. Я отнёс курам еду (толчёную с кожурой бульбу). Они могли её клевать в миске до вечера. Рядом находились вода и мел. К моему удивлению, иногда и его клевали. Воду пили часто.

Петуху я приносил хлеба. Брошу кусочек и наблюдаю, как он с усердием начинает звать несушек, отдаёт его той, которая примчится первой. Может, ему хотелось и самому съесть, однако забота о подружках оказывалась на первом месте.

Хлопнет дверь в сенцах — петя спешит к ней. Несушки следом. Мать могла сыпнуть горсть-другую зерна. Они его любили клевать больше всего. Случалось же это нечасто. Пшено было, берегли для цыплят да себе варили кашу с молоком.

Старшую курицу остальные побаивались. Пока она у миски с едой, никто, кроме петуха, не рисковал подойти. Могла клюнуть в голову или выщипнуть несколько перьев на шее. Чёрно-рыжая не была старшей, выделяясь только цветом. Купалась в пыли, энергичными движениями ног закидывая её на спину. Проголодавшись, клевала варёную еду. Пила воду из корытца. Я вроде бы не обращал внимания, но думал лишь о ней. Когда побежит и куда? Мне самому это казалось интересным.

Вот она взмахнула крыльями, бойко издала «ко-ко-ко» и скрылась в сарае. Всё-таки не на сторону бежит, что меня порадовало. Тут легче не спугнуть, разведать. Я выждал несколько минут и заглянул в сарай. Сумрачно вокруг. На куполе погреба заметил в чердачном гнезде белую курицу. Тёмно-рыжая направилась по торфу в самый угол. Где она могла там завести гнездо?

Петух пропел «ку-ка-ре-ку». Потеряв в это время несушку из вида, я присел на охапку сена с противоположной от торфа стороны. Её и след простыл, словно в сарай вовсе не заходила.

У меня на сегодня были и свои дела. Надо прикрепить в удочке грузило, кусочек свинца от старого аккумулятора. Пришлось покинуть своё мягкое местечко, выбраться из сарая так, чтоб не спугнуть с гнезда первую курицу. Нашёл пару камней, большой и поменьше. С их помощью удалось заготовку согнуть. Надел её на леску вблизи от крючка. Положил на камень, ударом меньшего слегка расплющил грузило. Оно закрепилось, где ему и положено находиться.

Слышу «кудах-х-дах-дах». Слетела с чердака белая. Петя ринулся к ней, хлопая крыльями. Спустя некоторое время — такое же кудахтанье. Из сарая вышла навстречу петуху тёмно-рыжая несушка. Снеслась, сказал я себе, надо искать. Снова меня окружил сумрак, только более густой. Близится вечер. В гнезде на чердаке возле поклада оказалось три яйца. Пополз по торфу туда, где я видел последний раз поднадзорную. Сверху — никакого намёка, однако внизу виднелся просвет.

Торф снашивали и высыпали на широкую еловую доску. С краю оказалось свободное место, куда попал клочок сена. Вот он-то и стал основой гнёздышка. Курица успела снести семь яиц.

Мать, довольная моим успехом, дала в награду пряник со сладкой белой корочкой. Вскоре у нас появилась наседка (называли её квохтухой). Добавили квохтухе найденную мной кладку. Среди вылупившихся из яиц цыплят семеро оказались от тёмно-рыжей матушки, включая трёх петухов. Самый красивый и сильный, с цветными перьями, сменил белого, чей гребешок пострадал от мороза.

На Пасху у нас, детворы, такая игра была: у кого яйцо крепче? Шпок-шпок спереди и сзади. Разбитое доставалось победителю. Коричневые скорлупки проявили большую прочность по сравнению с белыми. Их можно и не красить, а покрашенные всё равно выглядели привлекательнее белых, также побывавших в отваре с луковой шелухой. Я вдвойне радовался празднику.

11. Груша-костянка

Детство не может понять, что всё на свете вертится вокруг своей оси и ещё вокруг чего-то с более мощным притяжением. Дети наблюдают и делают лишь поверхностные выводы. Вот и я наблюдал, понемногу расширяя представления о знакомом и незнакомом мирах.

Под окном нашей хаты росла толстенная груша, которую называли костянкой. Обилие мелких, крепких плодов. Из всех деревьев на участке она — самая статная да раскидистая. Если в жару мучит жажда, то терпкого сока одной груши достаточно, чтоб утолить её. Мякоть при этом выплёвывалась. Костянки, полежав после созревания на земле, среди картофельной ботвы, становились коричневыми и приятными на вкус.

У нас они не залёживались. Мне поручили ежедневно собирать груши в корзину. Не имея вредителей, великанша плодоносила с неизменной щедростью. Вечером мать, высыпав плоды из моей корзины в таз, шла с ними доить корову. Спутает ей задние ноги, поставит под мягкими, широкими губами таз с помытыми костянками. Бурёнка охотно ест, а мать сидит возле вымени с подойником. Первые струйки звонкие, остальные звучат глуховато. Успевала подоить до опорожнения ёмкости. Я знал: путы на ногах необходимы на тот случай, когда при нападении овода либо слепня корова может взбрыкнуть, опрокинуть на бок посудину с молоком. Уйдёт мать — бурёнка доедает остатки.

Толщина для дички необыкновенная. Я руками не мог её обхватить. Если и была когда-либо тоненькой, то это полтора-два года назад или ещё больше. Животные снабжали её и огород перегноем. Цвела по весне каждой своей веточкой, источала аромат, уступавший лишь черёмухе. Редкий год плоды не увешивали дерево.

Тень кроны и ствола мешала выращивать бульбу, зато радовала в жару кур. Они под ней купались в пыли, распушив перья. Гришка, мой брат, использовал дюжью нижнюю ветку вместо турника, схватываясь за неё двумя руками и подтягиваясь по утрам.

Каждого приходящего гостя дичка встречала первой. С улицы бросалась в глаза. Рослая, ветвистая. Я задумывался, почему костянка с невкусными грушами прожила столь долго. Нескоро я понял, что для нашего небольшого огорода она стала важным его центром, приносящим разнообразные радости. Это и буйное цветение, и обильное плодоношение, и спасительная тень летом. Зима под ней наметала сугроб. Он оказывался в сторонке, никому не мешая.

Кроме торфа, в холода нужны были и дрова. Из толстого ствола и ветвей их могло получиться полсарая. А вот поди ж ты! Время хранило грушу. Без неё чего-то не хватит в окрестности. Лучше не нарушать порядок, видеть в нём таинственный смысл.

Позже я не раз убеждался в мудрой целесообразности природы. Двадцатиметровая двухсотлетняя груша дарила пчёлам да шмелям неисчислимую роскошь цветов. Жужжание напоминало слаженный оркестр. Причём костянка казалось мне верным названием: созревшие, не лежалые плоды и впрямь похожи на косточки, если их есть в эту пору. Однако они в незначительном количестве сока хранили шесть ценнейших витаминных групп. Настой и отвар из молодого побега дички даёт шанс на избавление от болезней, включая задержку лимфы и железодефицитную анемию. Не зря груша стала долгожительницей.

12. «Русский огород...»

Незаменимой книгой для родителя стала «Русский огород, питомник и плодовый сад» Шредера. Увесистая. Дореволюционного издания. Обложка толстая. Читал её с карандашом в руке, делал выписки, а мне была в ту пору не интересна. Батяка умел ценить свободную минуту. По сути, как и другие коренные бобовцы, он являлся в одном лице и крестьянином, и рабочим, и ремесленником. При строгом распорядке жизни мог уделить Шредеру лишь незначительное время.

В нашем карликовом саду плодовых деревьев раз-два и обчёлся. Основная яблоня — антоновка. В урожайный год она позволяла отложить на зимнее хранение в погреб свежие, бочку наполнить мочёными, а кирпичную нишу — банками с повидлом.

На антоновке крупная ветка принадлежала наливке. Плоды у неё поспевали рано и отличались приятным вкусом. Это результат бабкиного чтения «Русского огорода...». Там он вычитал про прививки. Купил кривой садовый нож для черенков. Складной. После чего и появилась у нас двухсортная яблоня.

Другая находилась под окном хаты. Высокая, урожайная, со сладкими некрупными плодами, которые желтели и созревали в конце августа — начале сентября. Батяка здесь привил медовку — большие, сладкие яблоки раннего созревания. Краснобокие плоды выглядели заманчиво. Под их тяжестью ветка наклонялась до картофельной ботвы.

Возле двора, где мать кормила кур, поросёнка, корову, самосевом выросло деревце с неплохими на вкус светло-зелёными яблоками. Поздними. Она была дополнена черенком от «комсомолки» ярко-красного позднего сорта, имеющего толстую кожуру, долгий срок хранения. Двухцветная яблоня эта — молодая и сильная.

Любил мой родитель пение скворцов, однако их домик на яблоню не вешал. Для него приютом стала стройная, нестарая груша с увесистыми плодами, созревавшими осенью. Их завязывалось немного: мешала тень от сарая. Зато скворцам местечко нравилось. С коровой чуть ли не дружили, получая от неё во время линьки превосходный утеплитель. Батяка проверял внешнее состояние домика да крепление. Голосистые пернатые тут как тут. Первым делом они выбрасывали всё, что успели натаскать в скворечник воробьи, и обустраивались по-своему.

Потрёпанная книжка, тяжёлая, скучная и непонятная, будто в паводковом ровчаке, отразилась главными чертами в нашем скромном саду. Ранней весной особенно бросались в глаза привитые новые черенки. Каждому делал кокон из глины, заботливо обматывал сначала тряпичей, затем бечёвкой. Завязывал её.

Исподволь я учился у него бережному отношению как к деревьям и кустарникам, так и к источникам полезных знаний. Я не мог не почувствовать, что один из них — в пузатой книжке со старинным написанием слов, чёрно-белыми рисунками. Повзрослев, я читал дореволюционный «Русский огород...» и глубже понимал впечатление, произведенное на батюку давнишней книгой.

13. Батяка и его брат Ефим

Чтобы обути семью к зиме, нужны валенки. Овец у нас не держали. За шерстью батяка ездил в Сухиничи, если не удавалось купить поближе. Привозил плотно упакованные, как он их определял, клунки — большие матерчатые куски, углы у которых завязывались между собой. Лёгкая шерсть в них, утрамбовываясь, становилась тяжёлой. Её, с нескольких привозов, хватало для зимней обуви родителям и нам, детям. Хватало также для того, чтоб изготовить несколько пар к ярмарочной продаже.

Колготы с шерстью полно. Перебирался материал-сырец вручную. Затем двухпудовые клунки батяка доставлял велосипедом на вовночёску. Я уже понимал, что это такое: вонной у нас называли шерсть. Обратно она возвращалась свёрнутым мягким ковром. Вот из него-то и настилали валенки.

Я сижу бок о бок, смотрю и слушаю. В гости пришёл Ефим, батякин брат. Такой же высокий и лицом похож. А работа продолжается своим чередом. Настелен пухлый валенок, завернут крепко в матерчатый платок. Родитель начинает крутить его на столе то двумя руками, то одной для передышки. Так слёживалась, уплотнялась вовна, ставшая валенком. Хвостик платка забавно крутился. Шаловливый наш котёнок Пушок, мой любимец, пытался с ним играть. Батяка без церемонии отгонял его, продолжая вертеть спелёнатое изделие, прижимая к гладкой крышке стола.

Попутно говорил брату про крестик крестильный и молитву на листке из школьной тетради, что моя бабушка дала ему в армию. Он 1919 года рождения, Ефим моложе. На Благовещение с бобовцами-ровесниками батяка ушёл пешком, хрустя ледком замёрзших лужиц, в новозыбковский военкомат, а младшие братья пока остались дома.

Я многое не понимал из его рассказов, но оно прояснялось по мере моего взросления. С Германией был договор о ненападении. Вроде бы ничто не сулило беды. Поначалу срочная оказалась для родителя и его сослуживцев продолжением мирной жизни, хоть и с красноармейской книжкой. Только тишь да гладь оказались обманчивыми. Служил батяка в Литве. Стрелковый полк в начале лета 1941 года располагался недалеко от границы с немцами.

Валенок продолжал крутиться на столе. Край платка по-прежнему напоминал мышку беззаботному Пушку. Он приготовился броситься на неё, однако Ефим смахнул его с табуретки, сел ближе к столу. Моему дяде было что и самому рассказать: брат отца пошёл на службу в самый разгар войны.

14. Валенщики

Благодаря часам-ходикам с медведями я всегда мог узнать, когда проснулись родители. Часы висели на стене напротив печки, где я спал. Гирю на цепочке батя подтягивал с лёгким шумом. Случалось это в четыре часа. Зажигалась керосиновая лампа. Мать затапливала печь. С появлением первых углей ставила туда большой чугунок с бульбой для живности, а нам — кастрюлю супа да махотку компота из яблок.

Батя, если не надо ехать на работу, приносил из сеней затирашку. Это приспособление к изготовлению валенок, вроде растянутой деревянной гармони. Доставал из-под кровати металлический гранёный прут, рубель и колодки. Последние — разного размера. Мужские, женские, детские. Все изготовлены из дерева, гладкие и не раз проверенные. Одинаковыми были лишь клинья для голенищ.

Фитиль лампы для нас кнут. Он позволял регулировать свет, чтоб не будить спящих. Выступающая головка со штифтиком при вращении могла выдвинуть кнут или, наоборот, спрятать его в фитильной трубке, ведущей туда, где находился керосин. Сияние от стекла, вставленного в галерейку, после регулировки тускло, а горячее меньше расходовалось. Разгорался в печи огонь, освещавший полхаты, начиная от порога.

Мы спали, между тем как лавка возле побелённой стены превращалась в мастерскую. Под лавкой находился чан с замоченными в горячей воде валенками. При этом в неё не добавлялся купорос, как поступали на фабриках. Батя извлекал мокрое, будто пушистый зверёк, изделие, выжимал, начинал валять с применением железного стержня. Мял, раскатывал. Рёбра прута прохаживались поперёк и вдоль по валенку.

Резких звуков при этом не создавалось. Можно было спать безмятежно. Даже если в дело шла затирашка с широкими, острыми деревянными клиньями. Её черёд наступал тогда, когда обработанный валенок набивался колодками, клинья расширяли голенище до нужного размера. Их без молотка не вставить с нужной прочностью, и всё-таки мы, дети, привыкли, спали до рассвета. К тому времени поспевали и еда, и питьё.

Я рано начал задумываться, какой смысл в нелёгком послеполуночном бодрствовании батя и матери. Вставать ни свет ни заря. Заводить канитель с рубелем, затирашкой, тяжёлым прутком, колодками. В новозыбковском магазине доступны чёрные, красивые валенки, похожие по крепости своей на сапоги.

Поехав на ярмарку, родители успешно распродавали товар. Он как будто хранил тепло от спозаранку затопленной печки и батяных рук, катавших, матросивших новую обую. Я знал, что валенки получались мягкими, надёжными. Ноги с портянками либо носками не замерзали при двадцатиградусном морозе. Вот это, наверное, и привлекало покупателей. Долго носились и давали возможность не бояться зимы.

15 Пемза и волосины

Я с котёнком на тёплой печке. Черень у нас — это голые кирпичи, истёртые телами и временем. Тут старая фуфайка да домотканый зипун царской поры. Можно спать, сидеть невзирая на сильно нагревшееся ложе. Рядом с жёрдочки свисают связки заплетённого лука. Я вовсе не в стороне от забот родителей-валяльщиков, не отлыниваю. Сказано, что собственные валенки каждый должен сам и побрить.

Берёшь в руку не бритву, а пористую пемзу, не имеющую ни одного угла. Когда-то она была гораздо большей, истёрлась вся. Причём и опал шерсти мать использовала. Мохнатые валенки вынуты из печи, в которой сушились. Колодки ещё сохранили тепло. С ними брить легче, хотя возни всё равно немало.

В нашей хате под мостом (это пол) находилось подполье, где хранилась часть урожая бульбы с огорода. Поднимет батька широкую мостницу, Гришка спустится туда. Наберёт корзину с верхом. Её в хозяйстве на пару суток хватало. А в погребе овощи хранились про запас и для весенней посадки.

Разница между нахождением на печке и мосту быстро ощущается. Внизу всегда прохладней: яма даёт о себе знать. Взгромозжусь с валенками на запек (по-другому — лежанку). Полпути к моей печке, на которой жарко. Возьму пемзу и начинаю скрести ею валенок. Силёнок маловато, зато старания много.

Одно дело — обработать основные площади голенищ. Частые движения вулканического стекла срезают шерсть. Голенища с двух сторон становятся гладкими. А носок, задник и переднюю часть побрить сложнее. Я и так и сяк пробую, однако сноровки недостаёт. Матери пришлось добривать за меня оба валенка.

Я не задумывался, сколько в них труда вложено. Меня интересовала пемза. Она, жёлтая, чуть-чуть напоминала пену у берега Ипути в ветреный день. Мне казалось, словно добродушный волшебник взял её, отвердил и отдал на потребу людям.

Сбритые шерстинки мать заматала сухим куриным крылом. Некоторые могли остаться на кирпичах либо в воздухе. У бобовцев, имевших бани, подобные закавыки редкие. Именно там они валяли валенки. У нас чаще случались. Мать разложит из махотки по мискам жаркое с добряками (белые грибы). Вдруг ни с того ни с сего — возглас: «Волосина!». Значит, шерстинка из воздуха или с кирпича оказалась в детской миске. Мы с братом ели, потому что вкусная еда побеждала сомнения. Сестра могла и отказаться. Тогда мать давала ей пару варёных картофелин и стакан парного молока. Всё улаживалось.

Так и жили, росли, крепили, даже не задумываясь о незаменимой роли крахмалистой бульбы сорта «лорх» да рыжей бурёнки нашей. В начале пути привыкали к труду.

16. Мои первые книжки

Первой моей книжкой стал букварь, доставшийся от Гришки. По нему я и научился складывать слоги простых слов. Керосиновая наша лампа могла не только стоять на столе, но и висеть под круглым отражателем на крюке, вбитом в потолок. Горелка находилась в специальном гнезде, соединённом с двух сторон стальной проволокой с рефлектором. Получалось достаточное для чтения и письма освещение. В букваре мне знаком каждый рисунок и подпись к нему. Я мечтал о новой книге с картинками.

В селе в то время появился промтоварный магазинчик, где нашёлся уголок и для нескольких детских книжек. Они лежали на прилавке слева. Стоимость указана на обложке сзади. Моё внимание было привлечено белорусской народной сказкой «Лёгкий хлеб». Красочное издание предназначалось для дошкольников. Спереди на обложке — белый конь с чёрной гривой и такого же цвета хвостом. Взбрыкнул, и волк от удара подкованных копыт покатился кубарем.

Однажды, в почитаемую у нас Радуницу, я отправился на кладбище с тёткой Гашкой (так все звали Агафью, старшую сестру матери). Оно известно среди односельчан как гора из-за своего положения. Более высокого места в Старых Бобовичах нет. Идём мимо промтоваров. Давай зайдём, сказала тётка, надо посмотреть у них цыганку (большую иголку). Зашли. Купила она цыганку. А я вижу: «Лёгкий хлеб» лежит на прежнем месте. Стал приставать, купи книжку. Гашка, ничего не говоря, схватила меня за руку, вывела из магазина.

Обиделся на неё, однако праздник был, и я отвлёкся. Родители пошли через Ровки, чтоб прийти быстрее, подготовить могилки, поставить еду для поминовения. Меня ждали ситро и пряники.

Тётка почти неграмотная. Написать что-нибудь с трудом она ещё могла, но читающей я ни разу её не видел. Не удивительно, что неожиданная просьба в магазине воспринята как каприз. А возможно, не хотела время тратить, нужно было поторопиться. На горе лежали тёткины родители, мои дед и бабка.

Она немало хлебнула в жизни лиха. Немецкая оккупация длилась долго. Хозяйничали тут всю. Гашку вместе со сверстниками отправили в Германию для принудительной работы. Хорошо лишь то, что после войны вернулась живой.

Сказку «Лёгкий хлеб» мне батька купил. Эта книжка, выпущенная «Детской литературой», оказалась первой, которую я самостоятельно прочитал. Стоила она столько, сколько и буханка хлеба, то есть гривенник с копейками. Такие существовали тогда цены. На предпоследней странице изображён кот, похожий по цвету шерсти на моего котёнка, и каравай на столе, похожий на большой и вкусный пряник.

17. Мама и немецкая «рама»

Моя мать Евдокия Васильевна, по-домашнему Дуся, родилась в 1927 году. Семья коренных крестьян. Ранняя юность совпала с войной и оккупацией. При немцах жили в непрестанной тревоге. Она усилилась после того, как Гашку, старшую сестру, угнали в Германию. Отец немолод. В гражданскую служил в Первой Конармии. Иван, его сын и брат матери, был малолетком.

Чужеземное нашествие на каждом шагу давало о себе знать. Край партизанский, и немцы постоянно начеку. Взять Пески, ближайший к селу грибной лес. Бобовцы знали, что с краю в нём волнушки и подберёзовики, а стоит пройти дальше — добряки двух разновидностей. Слева, возле берёз на бугре, — белые; справа, в негустом сосняке, — боровики с тёмно-красными шляпками. Где сосёнки моложе, там полно скользких и крепких маслят. Не тех, так других грибов можно набрать.

Захотелось однажды, рассказывала мать, семью поддержать в нелёгкую пору. Принести домой лесных даров. Без Гашки скучала, вдвоём всё сподручней шло. Идти-то недалеко; дорога прямая, сухая, песчаная. И по сторонам песок да канавка неглубокая. Её дождями вымыло, сорняками заросла.

Вдруг в чистом солнечном небе — немецкая «рама». Это самолёт такой, на окно похожий. Дома о нём говорили, называли шпионом или разведчиком. Фотографирует, на аэродром докладывает. Слышать-то слышала о коварном летуне — видеть раньше не приходилось.

Испугалась, говорит, сильно, шлёпнулась плашмя в канаву с бурьяном. Лежала, голову прикрыв руками. Увидела «рама» маленького человечка либо не увидела — бог весть, однако стрекот раздался. Может, стрелок и дал очередь из пулемёта, а может, показалось от страха; просто гудели моторы. Прележала не шелохнувшись с полчаса. Встала, потирая обожжённые крапивой ноги. Небо светлое, словно и не было зловещей «рамы».

Вернуться назад ближе, чем переться до Песков. Летун с крестом исчез. Страх остался. И всё-таки она взяла свою небольшую корзинку, направилась вперёд. Возвращаться с пустой стыдно. Пришла в лес, походила с краю. Самолёт, похожий на необычную стрекозу, никак не улетал из памяти.

Насобирала волнушек, маслят, три подберёзовика попались и рыжик. Возвращалась, хоть и порядком устала, торопливо, чуть не бегом, поглядывая изредка на небо. Мерещилась страшная кабина из стекла, будто защищённая с двух сторон, неуязвимая. И непонятный стрекот.

Всё обошлось. Дома настрого приказали в лес не ходить. А я благодаря рассказу матери, задолго до изучения истории в школе, познакомился с летающей «рамой», которая может не только сфотографировать, но и ни за что, ни про что убить.

18. Наша швея

Моя мать до замужества работала на швейной фабрике в Новозыбкове. Этот эпизод в дальнейшем не исчез бесследно, стал частью семейной жизни. На мне были не недоноски старшего брата, а то, что она сшила своими руками. Уделяя уйму времени хозяйству, свободные крохотки посвящала выкройке и шитью.

В хате под часами, висящими на стене, находился деревянный сундук, разрисованный снаружи цветами и узорами. Я знал: на дне его лежат не наследные сокровища, не конфеты и пряники, а листы линованной бумаги, являвшейся драгоценностью для матери. Она выкраивала и шила жакеты, блузки, платья и другие носимые вещи. Одежку, приготовленную её усердием, можно было увидеть не только на всех нас, но и на родственниках.

Напёрсток с микроскопическими углублениями у нас один. Мать следила, чтоб с ним не играл котёнок; а если брала сестра, то непременно должна положить на место. Вместе с нитками и иглами он хранился в шкатулке, сплетённой батькой из соломы. Иголки разного назначения. Мать знала их наперечёт. Открыв хранилище, сверялась, нет ли в нём убыли. При недостатке даже меня подключала к поиску с помощью магнита.

Я доволен сшитыми ею штанишками и футболкой. Тёплыми и удобными. Вечерняя прохлада не ощущалась, и я порой уходил с улицы перед самым сном. Материал она применяла не лишь бы какой, а наиболее подходящий для егозливого возраста.

Незаменимой ценностью у матери была старая машинка Зингер. Громоздкая, неподъёмная, зримо уменьшавшая полезную площадь в хате. Что ни возьми — чугунную станину с подножкой, маховое колесо, челночную каретку — всё соответствовало прямому назначению. Иголки к ней берегли, я их редко видел. Мать прятала и маслёнку из жести с колпачком, чтоб машинное масло для смазки не вытекало.

Какие детали нужно смазывать, я в ту пору понятия не имел. Поднимет машинку из углубления-хранилища на станине. Она сияет вся, будто только-только привезена и распакована. Особенно вращающееся с лёгкостью колёсико. Мать поворачивала его рукой. При необходимости поднимала и опускала прижимную лапку, напоминавшую мне игрушечные лыжи. Неприметно совершала колебательные движения ножной педали. Поднимала и опускала иголку. Выполняла челночные стёжки. Ножной привод да ещё горизонтальное расположение челнока и прижимная лапка обеспечили счастливое применение механизмов на десятилетия.

Я чувствовал благоговейное отношение к давнему надёжному устройству. Ему полтора столетия. Посмотрю теперь на его несокрушимую прочность и вспоминаю мать, вижу её руки, поворачивающие ткань для новых стёжек, себя, наблюдающего за кропотливой работой. Мне казалось: эту машинку специально изобрели, чтобы подчеркнуть умелое мастерство, неизбывное старание швеи, а без неё Зингер сразу состарилась, превратилась в антикварную мебель, накрытую красивой скатертью с махрами.

19. Батька и начало войны

Когда воскресенье совпадало с праздником, к нам заходил Иван, брат матери. Однажды он появился и, немного стеснясь, попросил, чтоб сестра плеснула в стакан граммов сто в честь памятного дня. Если было спиртное, то она не отказывала. Брат особо не надоедал с подобными просьбами. Это одно, а другое — дядька охотнее других родственников помогал нашей семье.

Мать нарезала сала, хлеба, достала из банки пару солёных огурчиков, мочёное яблоко. Батька в такие дни, если праздник нерелигиозный, плёл жгуты разной толщины для соломенной шкатулки. Жгут — длинный, гибкий прут, который получался после оплетения нескольких прижатых друг к другу соломинок. Они обладали свойством шустро заканчиваться. Батька вставлял в соломинку свежую и начинал её изгибать вслед за другими. Предварительно весь хрупкий материал сбрызгивался водой, поэтому не случалось поломок. Так на моих глазах появлялись витые золотистые рёбра, хотя до конечного результата не близко.

Выпил Иван водки, закусил огурцом и салом. Уходить не спешил не потому, что надеялся на новых сто граммов. Просто ему захотелось посидеть у нас и поговорить. Я учил посередине хаты котёнка стоять на задних лапах. Мать понесла мешку поросёнку (она замешивалась на воде с добавлением простокваши, не использованной в течение трёх или более дней).

Дядька немного рассказал о собственной армейской службе и батьку спросил про начало войны. И получил ответ. Его с другими новобранцами не случайно направили в Литву, недавно присоединившуюся к СССР. В военном отношении это было необжитое место.

Говорил мой родитель: построили солдат, выступил командир, сказал, что немец вероломно нарушил договор о ненападении. Поставлена задача его остановить. Один красноармеец спросил о патронах. Трёхлинейки-то были, а патронов всего по три штуки. Офицер пояснил, что надо двигаться вперёд, и махнул в сторону границы. Там дадут — его слова. Не совсем понятные, однако приказ есть приказ.

Сила пёрла с запада большая, моторизованная, информированная и, благодаря господствующим в небе самолётам, крылатая. Батька попал в плен 28 июня 1941 года. Расейняй — литовский город, после которого он и получил лагерный номер, заканчивающийся цифрой двенадцать.

Случилось это в 8 германском военном округе Бреслау. Место официально называлось «М — Stammlager 8 A», или международный шталаг для пленных солдат и унтер-офицеров из Франции, Бельгии, Югославии, Италии, Англии, России и США. Санитарные условия для советских и итальянских военных оказались наихудшими. Медицинская помощь ограничивалась той, что могли оказать фельдшеры-французы, сами такие же пленные. Деревянные бараки окружены двумя рядами колючей проволоки. Охрана имела свои вышки. Основная смертность — от недоедания, физического истощения и болезней. Лишь немногие получали из дому посылки через Международный Красный Крест, остальные только завидовали им.

Выпившему Ивану всё это казалось хоть и интересным, но далёким и ненужным. Мне было жалко батьку из-за испытаний, отзывавшихся печалью в его голосе.

20. Я пасу коров

Коров в Старых Бобовичах много. У любой улицы своё стадо. В Ровках почти каждая семья содержала бурёнку. Пасли по очереди. Помню, как я стал подпаском. Как не хотелось рано вставать. Половина шестого. На траве под окном щедрая роса. А мать будит, пора одеваться. Положит мне на кровать штаны и футболку. Уйдёт доить корову. А мне хочется обратно на подушку.

Я ещё мал круп не драл, однако в тот раз помогать отцу было некому. Брат и сестра уже большие, у них свои заботы. Выйду во двор. Обут, одет, а прохладно. Комары злющие, мошки. Батя давно на ногах. Роса, говорит, к погожему дню. Я приготовил заранее кнут. Он недлинный, метра два; на конце — леска. Её мне помог привязать Гришка. Звонкие хлопки получались. Называлось это у нас ляскать кнутом.

Еда уложена в батянину сумку. Когда-то она была Гришкиной. Носил в школу книжки, тетрадки. Потом батя на работу стал брать, Ставил на багажник велосипеда, привязывал. Сносу ей не было. Серая, крепкая, с двумя отделениями и кармашком. На гибкой закрывалке — язычок с пружинящим наконечником из металла. Он засовывался в такой же по цвету выступ, похожий на крошечные ворота. Замок, благодаря пружине, работал исправно. Сумка сама не могла открыться. Я знал, что в ней, помимо прочего, кулёк с конфетами и пряниками.

Мать подоила, отнесла в хату подойник. Вышла нас провожать. Стадо начиналось с дальних дворов, которые возле фермы. Росло как на дрожжах, Не зевай, хоть коровы шли медленно, задерживаясь, будто поджидая друг дружку. Выгнали из калитки нашу Лыску бокастую. Сами идём следом. Мать проводила до весов и вернулась.

Кнутом батя пользовался редко. У него в руке — ореховая палка с засохшей корой. Сумка болтается на ремне сзади. Я вообще налегке. Иду, чувствую, как постепенно теплеет вокруг. Шлёпаю ладонью то по шее, то по щеке. Комарья тьма.

Думаю о своём страхе перед коровами. Лыска что! У неё и рога нормальные, вверх направлены. Спереди на голове белое пятно. А вот эту возьми, ближайшую ко мне. Идёт-то она на выпас смирно, да рога страшные — в противоположные стороны, толстые, острые на конце. Кто её знает, испугается ли она моего кнута? Дорогой ляскать нельзя: они знают, куда идти. Мне батя разъяснил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.